

— С вас тысяча, — заявил таксист, остановив машину у низенького деревянного заборчика.

— Ско... скоко?! — потрясенно спросил Неволин. В голове шумел и перекатывался девятый вал, в желудке отчаянно пекло, но тем не менее Неволин еще не утратил ориентиры реального мира.

— Тысяча, — невозмутимо повторил таксист.

— Мы же на семьсот договаривались! — обиделся Неволин. Стоило ему хоть немного принять на грудь, как в нем вспыхивало повышенное чувство справедливости, а если учесть, что сегодня он выпил более чем достаточно, то праведный гнев просто обжег его!

— А в пробке сколько стояли? — вздохнув, напомнил таксист. — Я, между прочим, предупреждал, что беру не за километраж, а за время.

— А кто тебя просил через Сущевку ехать?! Ясное дело, там всегда пробки! — дрожащим от возмущения голосом произнес Неволин. — Ты дурак, да?

— Попрошу без оскорблений, — в голосе у таксиста появился металлический холодок. — Будете плачаться, или как?

Ясное дело, он намеревался ободрать своего пассажира как липку, видя, что тот пьян. Константина Неволина буквально затрясло от подобного нахальства. Он помотал головой, пытаясь избавиться от шумевшего в голове прибора.

— Ты это... ты зачем по Осташковскому ехал? Я же просил по Дмитровскому!

Татьяна ТРОНИНА

— Вы меня еще учить будете! — ехидно усмехнулся таксист.

— Ну ты жлоб... — выдохнул Неволин, с трудом преодолевая желание набить зарвавшегося водиле морду. А так хотелось! Но ничего, он убьет его своим благородством... Неволин нашарил в кармане куртки кошелек, достал купюру и попытался сфокусировать взгляд. Кажется, оно... то есть она, искомая тысяча рублей. — На! На, подавись!

Водитель выхватил из его дрожащих пальцев купюру и презрительно хмыкнул.

— Развелось... развелось тут, понимаешь, всяких! — Неволин попытался подобрать определение, какими именно были эти «всякие», но слова странно ускользали от него. — Ишь...

Он с трудом нашарил ручку на дверце и вылез из салона. Схватился за низенький забор, поскольку шторм вокруг продолжал бушевать. Такси немедленно сорвалось с места и исчезло за поворотом.

«Правильно хоть он меня привез? — попытался сосредоточиться Неволин, шаря взглядом по облупленной розово-желтой стене. — Ага, дом два. Тихая аллея, дом два... Кажется, тут!»

Он наклонился вперед сильнее, чем надо, и законы физики немедленно напомнили о себе. Земное притяжение, центр тяжести и все такое прочее... Словом, Константин Неволин перевалился через забор и упал лицом в кучу прелой прошлогодней листвы, из которой уже начали проклевываться первые зеленые ростки.

— О-па... — растерянно пробормотал он, смахнув со лба скользкий лист. — Ну и дела!

Лежа на земле, он едва не расплакался от нестерпимой обиды на забор, который так жестоко и нагло подшутил над ним.

Впереди была деревянная скамейка. Неволин с трудом подполз к ней, отдышался, потом попытался

сесть. Остатки разума подсказывали ему, что являться в таком состоянии в гости просто неприлично.

Поэтому, взгромоздясь на скамейку, Константин Неволин дал себе задание сидеть на ней не меньше получаса и глубоко дышать. Он и дышал — до тех пор, пока не почувствовал, что его сейчас начнет тошнить. «Мама дорогая, да что это такое! — мысленно возопил он, покрываясь противным холодным потом, который обычно предшествует приступу дурноты. — Никогда, больше никогда — ни капли!..»

Дом перед ним был еще довоенной постройки, очень старый и неприглядный, скорее напоминающий барак. Одноэтажный, с покосившейся черной крышей и несколькими подъездами, отгороженными друг от друга все тем же низким заборчиком — то есть у каждого жильца был свой, отдельный вход. Некая пародия на таун-хаусы, очень модные нынче — опять же, если учитывать, что дом находился в пригороде...

На окнах — решетки.

Из соседнего подъезда выползла грузная старуха в черном широком пальто, прозрачной капроновой косынке, прикрывавшей на голове огромный пучок серо-желтых волос, — кажется, такие пучки назывались «бабеттами» и были модны лет тридцать назад, точно так же, как и капроновые платки. Глаза у старухи были навывкате, и потому Неволину показалось, что она недобро зыркнула на него. Моментально он распрямил спину и попытался сделать непринужденное лицо — дескать, сидит себе человек на лавочке, ну и что такого?..

На поводке у старухи была мелкая вертлявая собачка черной масти. Она увидела Неволина, просеменила к забору и раздраженно-растерянно тявкнула. Потом понюхала воздух, убедилась, что человек этот посторонний и вовсе ей незнакомый, и тогда уж от души залилась визгливым, истеричным лаем.

Татьяна ТРОНИНА

— Молодой человек, вы к кому? — крикнула старуха властным голосом. — Киса, да тише ты...

«Киса? Ничего себе кличка у собаки...» — подумал Неволин и любезно сообщил:

— Я кх-х... я к-хра... я к Ахрамковым!

Старуха ничего не ответила, отвернулась и пошла на улицу, таща за собой истеричную Кису, которая все еще продолжала оглядываться на Неволина и заливаться пронзительным лаем, от которого у него даже во рту стало кисло, словно пришлось глотнуть уксуса.

Неволин сморщился, снова мужественно преодолевая приступ дурноты, и взглянул на часы — была половина девятого.

Оранжевое вечернее солнце почти сползло к горизонту, и оттого на просвет ветки у растущего сбоку кустарника казались черными, точно выкованными из железа. Они сплетались в сложные пентаграммы, разгадывать которые у Неволина не было сил...

Еще днем было тепло, почти жарко — плюс пятнадцать, что удивительно для начала апреля, но к ночи стало неизбежно холодать. Неволин поежился — одет он был довольно легко — и тут почувствовал, что его внутренний шторм постепенно начал стихать. Наверное, прохлада и свежий воздух все-таки подействовали...

Он попытался встать, и это ему удалось. Сделал шаг вперед — и не упал. Почти уверенно добрал до двери, над которой висела табличка с номером квартиры, нажал на звонок.

«Кирилл, Нина, я очень извиняюсь, но у меня не было другого выхода! Конечно, надо было предупредить вас заранее, но мы поссорились с Лизой, и я...» — мысленно репетировал Костя, но стоило ему вспомнить о Лизе, как он снова почувствовал тяжелую, горькую обиду, от которой хотелось рыдать в голос.

Дверь распахнул не Кирилл и даже не его жена Нина, а какая-то совершенно незнакомая тетка в байковом фиолетовом халате до пола.

— Вы к кому? — буркнула она.

Тетка была немолодой и выглядела весьма не-презентабельно — толстая, рыжая (жидковатые волосы сколоты где-то сбоку и лежали на плече, словно ободранный лисий хвост), бледная, в стоптанных красных тапочках с вытянутыми мысами, которые снизу торчали из-под халата, словно клоунские башмаки. И еще косоглазая в придачу. Словом, как и должна была выглядеть типичная тетка из пригорода, которую внезапно оторвали от ежевечернего телевизионного ток-шоу. «Наверное, какая-нибудь родственница...» — подумал Неволин и произнес, стараясь дышать в сторону:

— Я к Кириллу. К Кириллу Ахрамкову. К Кириллу и Нине.

— Их нет, — сказала тетка и попыталась захлопнуть дверь.

— Как это — нет? — искренне удивился Неволин и сунул ботинок в щель, не давая ей захлопнуть дверь окончательно. — А где они?

— Я же говорю — уехали! — сердито повторила тетка. — Сегодня утром вещи погрузили и уехали.

— Вещи?.. — Неволин был в недоумении. И только потом его озарило — ну да, Кирилл упоминал, что дом, в котором они с Ниной купили квартиру, уже достроили, оставалось лишь сделать небольшой ремонт. Неужели сделали? Так быстро?..

— Ну, что еще?

— А... а вы кто? — растерянно спросил Неволин, пытаясь поймать ускользающий теткин взгляд.

— Я хозяйка... Это они у меня квартиру снимали.

— А-а... — пробормотал он и убрал ногу. Дверь немедленно захлопнулась.

Неволин поплелся назад и снова уселся на ска-

Татьяна ТРОНИНА

мейку. В свете открывшихся новых обстоятельств он пока еще не знал, что делать дальше. Кирилл с Ниной нет, это печально, но не смертельно... «Еще полчаса здесь посижу, оклемаюсь и поеду в Москву. К Лужиным. Или Юрке Рубину. Нет, у Лужиных младенец, к ним нельзя... К Юрке, точно, — подумал Неволин. — Да, к Юрке! Хотя нет, к Юрке теща приехала из Саратова... Нет, к Юрке тоже не получится».

Он стал ломать голову над тем, у кого можно переночевать, старательно избегая воспоминаний о самой причине, по которой не может вернуться в свой собственный дом.

Старуха с Кисой возвратились с прогулки. И старуха, и вертлявая Киса были явно недовольны присутствием чужака в их палисаднике — Киса снова облаяла Неволина, а старуха, перед тем как скрыться за дверь, обдала его неприязненно-надменным взглядом.

По всему выходило, что ехать Неволину не к кому. Он ведь и подался сюда, в Камыши, именно потому, что краешком сознания, еще остававшимся трезвым, сообразил — кроме Ахрамковых его никто приютить не сможет. Ахрамковы — милейшие люди, живут вдвоем, сын их — у бабки, Нинкиной матери, в другом городе. В их съемной квартире целых две комнаты — Кирилл не раз упоминал. Хозяйка живет в другом месте, у мужа. То есть будет где заночевать, никого не стесняя... Только кто мог знать, что этим утром они уже съедут отсюда!

Мимо пробежал, размахивая потрепанным портфелем и не глядя по сторонам, плотный мужик в клетчатом пиджаке, со светлыми игривыми кудрями вокруг изрядной плечи на макушке. Скрылся в следующем за старухиным, третьем, подъезде. И стало тихо.

Минут через десять после мужика появилась

полная дама в блестящем серебристом плаще, с гривой роскошных темных волос и блестящей сумочкой на цепочке, перекинутой через плечо. Мельком посмотрела на Неволина и остановилась возле забора. Достала из сумочки сотовый, но номер набрать не успела — мимо, шурша шинами, проехал «Мерседес» с тонированными стеклами, на секунду притормозил, и из него выпорхнула юная блондинка в коротенькой курточке и брючках с заниженной линией талии, отчего поясница, а также плоский животик (в пупке блеснул камешек — пирсинг!) были выставлены на всеобщее обозрение.

«Мерседес», шурша шинами, немедленно скрылся.

Дама в блестящем плаще спрятала в сумочку сотовый и дала девице подзатыльник.

— Анжелка, дрянь такая! Я тебе сколько раз говорила — одевайся теплее! Сейчас не май месяц, почки себе застудишь...

— Ма, мы в боулинг целый день играли, я на улицу даже не выходила, только от двери до двери... — огрызнулась юная блондинка, скорее всего — дочь разгневанной дамы.

— От двери до двери... Дрянь какая! Я эту твою куртенку выкину, дождешься!..

«Анжелка... Анжела, Анжелика? Анжелика, маркиза ангелов!» Неволин проводил их заинтересованным взглядом. Они скрылись в том же подъезде, куда перед тем вошел мужик в клетчатом пиджаке. Ага, значит, тот, скорее всего, был отцом этого славного семейства.

Если бы Константин Неволин не напился, то никаких проблем не было бы — у него имелось собственное авто. Вполне приличная «немка», всего-то пяти лет от роду... Хотя что толку о ней сейчас вспоминать! Неволин вздохнул и достал из кармана кошелек. До Москвы можно было добраться на элек-

Татьяна ТРОНИНА

тричке, но, будучи реалистом, он чувствовал, что для него этот вариант совершенно непригоден. Если бы не те двести грамм коньяка, что он принял в каком-то кафе «на посошок»...

В кошельке ничего не было. Только несколько железных монеток. «Господи, были же деньги!» — похолодел Неволин, снова чувствуя, как возвращается приступ дурноты. Он обшарил все отделения кошелька, потом скрупулезно, раза три, исследовал содержимое карманов. Не было ни денег, ни телефона. Ни - че - го.

«Сначала я сидел в забегаловке на углу. Пил пиво. Две кружки по ноль пять. Потом заказал водки. Сколько? Не помню, водка была в графине... Потом познакомился с каким-то Гошей, и мы пили с ним на заднем дворе, за мебельным. Потом вроде бы подошли Гошины друзья, милейшие люди. Потом... ну да, я тогда окончательно понял, что домой вернуться не смогу, и пошел в то кафе. С Гошей или без? Господи, я ж отдал этому жлобу последнюю тыщу! И где телефон, главное?..» — хлопал себя по карманам Неволин.

Мимо, напевая красивым баритоном, прошел мужик в спецовке.

— Привет! — приветливо крикнул он Неволину.

— Привет... — хмуро отозвался тот.

Мужик скрылся в последнем, четвертом, подъезде.

«Значит, так — ни денег, ни телефона. Один. Не пойми где, в каких-то Камышах. Брошенный...» Неволину вдруг стало так жалко себя, что он едва не завыл на бледную луну, выплывшую из облаков. Лица, как ты могла!..

Лиза.

Они познакомились два года назад, зимой, на катке в парке Горького. Она была в короткой шубке белого цвета, с поднятым пушистым воротником. На

ногах, которым позавидовала бы любая топ-модель, — то ли брюки, то ли рейтузы, тоже белого цвета. Белые коньки. И на контрасте — черные короткие волосы, темные огромные глаза. Снег сверкал на ее воротнике, на гладкой челке, на ресницах, на губах сияла счастливая улыбка. Лиза смеялась...

Это сочетание черного и белого, это сияние, этот звонкий смех поразили Неволлина. Плюс ко всему — темно-синее вечернее небо, хрустальный свет фонарей, музыка, которая как-то особенно нежно и отчетливо звучала в морозном воздухе...

На каток его вытащили Лужины (глава семейства — армейский друг Неволлина), у которых тогда еще не было никакого младенца. Лужины были спортивной парой и обожали подобные развлечения. Коньки, лыжи, ролики, велосипеды... Он же, Неволлин, вставал на лед в последний раз лет двадцать пять назад, во время дворового первенства по хоккею.

Увидев Лизу, Неволлин очень пожалел, что так мало времени уделял спорту. Лиза каталась превосходно. Но тем не менее осмелился и неуклюже подкатил к ней — благо понял, что та была одна. Одна, почти ночью, свободная и веселая... О такой девушке можно было только мечтать. К Неволлину она, как ни странно, отнеслась довольно благосклонно — и скоро уже всю смеялась его шуткам.

С катка они ушли вместе.

Лизе Ионовой тогда было двадцать пять лет (почти на десять лет младше Неволлина), она жила с матерью и двумя младшими братьями и потому старалась как можно меньше времени проводить дома. Работала менеджером в конторе, продающей биологические добавки.

Через неделю она уже переехала к Неволлину.

Эти два года, что они прожили вместе, казались ему самыми приятными в жизни. Лиза была удивительной девушкой — легкой и веселой. Она обладала

Татьяна ТРОНИНА

редким качеством — никогда ни в чем не сомневаться, и потому горечь сожаления по поводу того, что сделано или что не сделано, почти не терзала ее. На фоне рефлексирующей московской публики Лиза смотрелась очень выгодно.

Кроме того, другой ее особенностью было то, что она была очень рассудительной девушкой. Покупала одну хорошую вещь вместо десяти дешевых; если нехватка времени вынуждала ее перекусывать на ходу, то походу в «Макдональдс» предпочитала обычную булочку с кефиром (оно здоровей и полезней!) и даже более того — если денег хватало только на трехзвездочный отель, отпуск проводила дома.

То ли у нее действительно не было никаких недостатков, то ли Костя Неволин так сильно любил ее?..

Впрочем, была у нее одна слабость: Лизу завораживали редкие вещи — ручной работы или те, что были в единственном экземпляре. Эксклюзив, одним словом. Поэтому выбрать подарок ей было нелегко — приходилось облазить все блошинные рынки и художественные галереи, прежде чем найти что-нибудь действительно стоящее. Например, домотканую сумочку с ручной вышивкой, сделанную карпатской крестьянкой лет тридцать назад. Или страшную маску из Габона, призванную отгонять злых духов, — из какого-нибудь особо редкого, ценного дерева, коих на Земле осталось всего два-три... Или статуэтку из бивня мамонта, продаваемую из-под полы (потому что продавец с бегающими глазами торопливо уверял, что именно за этой статуэткой гонится толпа коллекционеров, а знатоки из музея Востока просто ее с руками готовы оторвать!).

У Лужиных на крестинах младенца они познакомились с Робертом Куракиным. Поначалу Неволин никакой угрозы от Куракина не ощутил — он оказался застенчивым молодым мужчиной с длинными во-

лосами, собранными на затылке в хвост. Джинсы, свитер, кроссовки — все дешевое, рыночное, китайское, что изначально должно было оттолкнуть Лизу... Типичный программист!

И только потом выяснилось, что Куракин никаким программистом не был, а являлся самым настоящим поэтом, стихи которого печатались в толстых журналах — это раз, и, кроме того, носил титул князя — это два. В жилах хвостатого Куракина текла дворянская кровь, и при таком раскладе уже не имело значения, что на нем надето и какую прическу он носит. Князь-поэт!

Даже потом, когда Неволин узнал про Куракина эти подробности, он тоже не особо обеспокоился. Князь — и одновременно поэт... Анекдот какой-то, реклама для богемных вечеринок!

Но обеспокоиться следовало! Следовало всегда помнить о склонности Лизы ко всему особенному, эксклюзиву. А что, если дело касалось не только вещей, но и людей? Ведь тут и князь, и поэт... Редкий экземпляр!

Сегодня у Неволина никаких срочных дел не было, и потому он свалил с работы сразу после обеда, намереваясь сделать Лизе сюрприз — она сидела дома с легкой простудой.

И, уже подъезжая, он неожиданно увидел Лизу в обществе Куракина. Они шли по улице и мило беседовали... Неволин сбросил скорость и медленно поехал за ними. Он не относил себя к ревнивцам, которые устраивают скандалы по пустякам, никогда не считал женщину, живущую рядом с ним, своей собственностью, безусловно уважал Лизу. Но сердце в нем дрогнуло, когда он увидел рядом со своей чудесной Лизой этого хвостатого уродца...

Во-первых, Лиза должна была лежать дома с простудой, а не бродить по улицам — несмотря на то,

Татьяна ТРОНИНА

что было плюс пятнадцать. Кто не знает коварства весеннего ветерка!

Во-вторых, Лиза ничего не говорила о том, что собирается с кем-то встречаться.

В-третьих, какого черта они держатся за руки, точно подростки?!

В-четвертых, почему они так увлечены разговором, что ничего не замечают вокруг? Почему у них такие странные лица, словно они беседуют о чем-то сокровенном и чрезвычайно увлекательном? Ну, Куракин - то ладно, а Лиза?! Разве Куракин может ей нравиться?..

А потом случилось и вовсе невообразимое — Куракин нежно обнял Лизу и погладил ее по голове. Казалось бы, жест совершенно невинный, ничего не значащий, даже дружеский... Но это было даже хуже того, чем если бы Неволин застал Лизу с Куракиным у себя дома, в постели. В этих объятиях было столько нежности, приязни, теплоты, так сияло спокойным счастьем Лизино лицо!..

Неволин ударил по газам и промчался мимо этой парочки. Он понял, что не в силах видеть Лизу рядом с Куракиным. «Ладно, вечером разберемся...»

В соседнем квартале он зашел в какую-то забегаловку и залпом выпил две кружки пива. Его точно жажда какая мучила. Жажда правды. Кто она, эта Лиза? Какая она? О чем таком особенном они говорили с Куракиным, почему глядели друг на друга с такой нежностью?

А потом он понял — кого ей любить, как не этого князя, к тому же занимающегося творчеством? Ведь он, Неволин, — жалкий плебей. Технар. Воплощение стандарта и обыденности.

Даже если Лиза еще не решила ничего про себя с Куракиным, Константин Неволин уже знал про нее — она этого Куракина любит. Еще не догадывается, но уже любит. И плевать ей на все условности,

на все прочее — Лиза ведь свободна, она всегда была свободной...

Это открытие настолько поразило Неволина, что домой он не пошел, Лизе звонить не стал, а отправился в свое скорбное странствие по значным местам, которое закончилось здесь, в Камышах.

И вот теперь, страдая духовно и физически, он сидел на скамейке и точно замороженный смотрел вперед.

А там, в освещенном окне, сидела перед телевизором тетка в фиолетовом халате и грызла большое яблоко — слишком красивое для того, чтобы быть настоящим и полезным. Продукт генной инженерии, привезенный из-за границы. Лиза никогда не ела таких яблок, дожидаясь конца лета, чтобы попробовать настоящего подмосковного яблочка, пусть и не столь идеального вида...

Неволин напряг память — как же все-таки зовут эту тетку? Кирилл как-то упоминал... «Ах да, Роза! Ну конечно же — Роза!» Неволин попытался засмеяться, но из груди вырвался какой-то жалобный, булькающий звук.

Роза, а по соседству — Анжелика. Наверняка ту даму в блестящем плаще звали тоже соответственно — Генриеттой, например, или Виолой. Господи, и зачем только некоторые называют своих детей подобными именами, совсем не сочетающимися с окружающей обстановкой?.. Живут такие Генриетты и Виолы в каких-нибудь бараках, месяц по весне грязь резиновыми сапогами, держат в «ракушках» ржавые «Москвичи» и «жигуленки», мечутся по рынкам вдоль железнодорожных платформ, выискивая товары подешевле, воюют со своими хулиганистыми отпрысками, лепят на щеки самодельные маски из огурцов, плачут над глупыми сериалами...

Неволин не считал себя снобом, однако к пафос-

Татьяна ТРОНИНА

ным заграничным именам относился скептически, особенно с сегодняшнего дня.

Ведь его соперника звали Робертом. Князь Роберт Куракин... Почитать бы его стишки! «А если он гений? Я же не особенно разбираюсь в литературе... Новый Пушкин! Или Бродский, на худой конец... Возможно, Лизка почувствовала, какой он особенный, этот дворянин с хвостиком?..»

Неволин с ненавистью посмотрел на тетку в окне. Она догрызла яблоко и теперь бесцельно нажимала кнопки на пульте.

Ужасное место, ужасные люди, ужасное всё.

И как этой тетке не противно здесь находиться — сидеть в этом фиолетовом халате, бессмысленно тарашась в телевизор? На месте тетки Неволин давным-давно бы повесился. Или он чего-то не понимал?..

Роза (Rosa) — род растений семейства розоцветных. Известно около 400 дикорастущих видов (шиповников). Розы — кустарники высотой от 15 сантиметров до 2 метров, побеги обычно покрыты шипами. Цветки простые или махровые, диаметр от 2 до 15 см, ароматные, реже без запаха...

(Из популярной энциклопедии.)

...В Камыши ехать не хотелось, но надо было. Родное гнездо как-никак! Будет грустно, если грузчики снесут шкафом люстру, расцарапают дверь. Или, например, вынесут ненароком хозяйское кресло вместе с вещами постояльцев.

В постояльцах — Нине и Кирилле Ахрамковых — Роза почти не сомневалась, они были людьми порядочными, за все шесть лет их проживания не доставили практически никаких хлопот. Но они могут и не

уследить за всем. И потом, надо же с ними попрощаться по-человечески...

Ахрамковы были приезжими, работали день и ночь, основали в Москве небольшую фирмочку по продаже компьютерных программ, копили деньги на свою квартиру, экономили на всем. Поэтому им гораздо выгоднее было жить в пригороде.

У них был сын, семилетний мальчик, который жил у бабушки, и Ахрамковы все время переживали из-за того, что ребенок растет не с ними. Но в том городе, откуда приехали Ахрамковы, совсем не было работы и, главное, был очень вредный химический завод, отравляющий воздух черной едкой пылью...

Роза приехала в Камыши к часу дня, поставила машину в гараж (за домом, на пустыре, была выстроена шеренга «ракушек»), но когда пришла в дом, обнаружила, что вещи постояльцев уже вывезли. И особых повреждений на первый взгляд квартира не претерпела.

— Вот, Роза Витальевна, уезжаем, — грустно сказал Кирилл Ахрамков, весь заросший неровной черной бородой, чем всегда напоминал Розе геолога.

— Почему же так грустно? — улыбнулась Роза.

Ахрамков только пожал плечами.

— Не грустно, а страшно, — поправила мужа Нина, сухощавая блондинка, не вылезавшая из джинсов — она, в свою очередь, напоминала Розе внезапно постаревшую девочку. Хотя была совсем не старой — всего тридцать шесть, моложе ее, Розы... — Страшно начинать новую жизнь. Женечка в конце мая придет, мы его уже в первый класс записали...

Нина вдруг упала на стул и тихо заплакала.

— Нет, это, конечно, глупо, но... — забормотала она уже сквозь слезы. — Но мы столько лет этого ждали, столько сил вложили!

Роза сама чуть не заревела — так ей жаль стало

Татьяна ТРОНИНА

Нину и Кирилла, которых даже счастье уже не радовало.

— Перестань, Нина... — вяло вздохнул Кирилл.

— Роза Витальевна, вы тут новых жильцов поселите? — спросила Нина сквозь слезы. — Да?..

— Не знаю... Может быть. Хотя где я еще таких хороших жильцов найду? — попыталась пошутить Роза.

— Значит, мы можем на вас рассчитывать в ближайшее время, если... если что-то случится? — робко спросила Нина.

— Нина, перестань! — с раздражением сказал Ахрамков. — Ну что еще должно случиться?.. Дом построили, ремонт сделали, мебель перевезли, все честно, все официально, деньги заплатили... Кто нас оттуда выгонит?! Все будет хорошо, если, разумеется, не случится в ближайшее время землетрясение и не разрушит наш дом по кирпичику.

— Не накаркай, Кирюша!

— Сама не накаркай! Нет, ну что с ней делать, Роза Витальевна... — в отчаянии произнес Ахрамков. — Давайте хоть посидим немного перед дорогой.

Нина накрыла на стол, Кирилл открыл бутылку вина.

— Кира, ты за рулем...

— Господи, да я только глоток, символически!

Вино показалось Розе кислым и невкусным.

— Как Светочка? — выпив вина и порозовев, немало оттаяла Нина.

— Светочка? Она сейчас у Колиных родителей живет, у бабушки с дедушкой то есть, — сказала Роза. — Там институт через дорогу, ей никуда ездить не надо. Очень удобно. А старики уж как рады...

— Сколько ей?

— Двадцать.

— Ого, большущая! — покачал лохматой головой

Ахрамков. — Но ничего, наш Женька тоже скоро вырастет. А у Николая как дела?

— Неплохо, — улыбнулась Роза. — Работает. Собирается еще один магазин открыть, на Соколе.

— Ого! — уважительно пробормотал Кирилл. — Молодец. Что ж, передавайте ему привет!

— Обязательно! — горячо обещала Роза, хотя прекрасно знала, что ее муж ни в каких приветах не нуждается. Он, московский бизнесмен (далеко не миллионер — продажа обуви особой сверхприбыли не приносила, но тем не менее...), относился к приезжим Ахрамковым свысока. Кто они такие, чтобы он, Николай, нуждался в их приветах, в их одобрении, их оценках...

«Зачем тебе нужна эта халупа в Камышах? — не раз с раздражением говорил он жене. — Чего ты за нее цепляешься?.. Продала бы давным-давно!» — «Коля, я не могу, это ведь, можно сказать, родовое гнездо... Я там все детство провела, там папа-мама жили!» — «Вот именно — гнездо! — хохотал Николай. — Настоящий курятник!»

Роза знала, что Николай немного кривит душой — те деньги, которые платили жильцы, шли Розе, что называется, «на булавки». Деньги небольшие, но на Николая время от времени нападали приступы скупости — жизнь вынуждала. Все его капиталы были пущены в оборот, на расширение дела, и свободных средств вечно не хватало. Если бы квартира в Камышах действительно раздражала Николая, то он давным-давно заставил бы жену от нее избавиться.

Роза никогда на него не обижалась — такой уж он был, таким сделала его жизнь. Он мог подарить ей массивный золотой браслет и в то же время пожаловаться на санэпидемстанцию, которая нагрязнула к нему с очередным визитом в один из филиалов и потребовала очередной взятки... «Эти СЭСы и пожар-

Татьяна ТРОНИНА

ные меня разорят! Нет, ты не представляешь, какой бардак творится в нашей стране... — жаловался он Розе. — Если так все будет и дальше, то мы действительно скоро по миру пойдем!..» А когда слышал, как живут настоящие «богатые» — те, у которых были дома в Жуковке и у которых даже домработницы ходили в униформе от Армани, то настроение у него портилось на целую неделю.

Наверное, именно поэтому он столь пренебрежительно относился к Ахрамковым — ведь они стояли еще ниже его по социальной лестнице.

«Ради нас со Светой он бьется точно рыба об лед, еще своим родителям помогает... — не раз думала Роза. — Святой человек!» А потому весьма снисходительно относилась к мужу, позволявшему себе иногда покапризничать.

Ахрамковы сердечно попрощались с Розой, Нина снова расплакалась, садясь в потрепанную «пятерку». Кирилл погудел на прощание.

— Пока-пока! — помахала рукой Роза, стоя на крыльце и щурясь от весеннего яркого солнца. У нее тоже было как-то беспокойно на сердце...

Она вернулась в дом.

В шкафу нашла старый халат, переделалась, заколола волосы и принялась убираться. «Ничего, снова кому-нибудь сдам квартиру, опять будет Коле хоть какая-то помощь!»

Кроме сдачи квартиры, у Розы был и другой источник дохода — она подрабатывала в одной небольшой фирме бухгалтером, сдельно, брала иногда на дом заказы. Готовила платежные документы, выставляла счета-фактуры, обрабатывала первичную документацию...

Она, конечно, хотела бы помогать мужу, а не чужим людям, но Николай когда-то решил, что супругам не стоит пересекаться еще и в рабочее время, это может испортить отношения. Это, в общем, было

верное решение — иначе как бы они сумели прожить вместе столько лет?..

Роза вымыла окна, протерла оставшуюся мебель, отскоблила полы, выкинула кучу мусора, оставшуюся после отъезда Ахрамковых, — какие-то коробки, старые газеты, тряпки... В седьмом часу почувствовала, что страшно устала, и решила здесь заночевать.

Она достала сотовый из сумочки и тут с досадой обнаружила, что батарейка разрядилась. Обычного, городского, телефона в этой квартире не было — только у соседей. В свое время Роза, постоянно живущая в Москве, не побеспокоилась об этом...

Она накинула на плечи пальто и пошла к Вершининой.

— Анна Леонардовна, добрый вечер! От вас можно будет позвонить?.. — только и успела сказать она, как из кухни выскочила Киса и залилась пронзительным лаем.

— Добрый вечер, Розочка, — с подчеркнутой любезностью ответила Вершинина, стараясь перекрычать собаку. — Киса, это же свои! Неужели ты не узнала Розу? Киса!

— Анна Леонардовна, я бы не стала беспокоить, но у меня в сотовом батарейка села...

— Киса, это же свои! Свои!.. — уже в полный голос вопила Вершинина.

Киса, загадочная помесь карликового пинчера с еще какой-то мелкой породой, впала в нечто вроде истерики. Она прыгала на дрожащих тонких лапках вокруг Розы и заливалась лаем. Видимо, Киса никак не хотела признавать в Розе свою.

— Розочка, ты от Аникеевых лучше позвони, — сквозь лай пробился старухин голос.

Роза пошла к Аникеевым, но там ей никто не открыл: вероятно, Варвара и ее муж Юрий были на работе, а восемнадцатилетняя Анжела усвистала на очередное свидание.

Оставался только Серега Козырев, последний их сосед, но к нему Розе не очень-то хотелось идти. Серега работал на вагоноремонтном заводе слесарем и последние двадцать лет серьезно пил.

При всем при том он являлся милейшим человеком, даже более того — Роза помнила, каким просто необыкновенным юношей он был, старостой класса, активистом, надеждой школы, и все такое прочее... Но тем печальнее было наблюдать распад.

Все-таки она пересилила себя и постучалась к Козыреву. Тот был дома.

— Розка! — обрадовался он, как ни странно — трезвый. — Ну, заходи... Сто лет тебя не видел! Что, съехали сегодня твои жильцы?

— Ага... Сереженька, мне только позвонить, я на минутку...

— Да хоть на две! Хоть на сколько!

Козырев, в ветхом линиялом спортивном костюме, пропустил ее в квартиру. В полутемной прихожей пахло машинным маслом, у стены с наполовину ободранными, в желтых пятнах обоями лежали какие-то инструменты.

В комнате было пусто. Матрас, стол, стул, голая лампочка, подвешенная к потолку, замотанный изолентой телефон на пыльном подоконнике. И шеренги пустых бутылок... Сердце Розы дрогнуло от привычной жалости. Она вдруг очень остро почувствовала, насколько далека от этого дома в Камышах, от этих людей, от своего прошлого... Таких мыслей допускать было нельзя, и Роза решительно сняла телефонную трубку и бодро заговорила:

— Коля, привет... У меня батарейка сдохла. Да, да, забыла зарядить сотовый... Коля, я приеду завтра утром. Все в порядке. А у тебя? Света звонила? Ну слава богу... Я очень устала. Еще много дел. Все, целую...

Козырев, стоя в дверном проеме, с улыбкой на-

блюдал за ней. Половина зубов у него были железными. Был он небрит, кошмарно одет, но при всем при том в нем еще угадывался школьный любимец. Господи, да его и сейчас все любят...

— Ну, что смотришь? Я изменился? — добродушно спросил Козырев.

— Да, — честно ответила Роза. — Все изменились. И Варька, и ты, и я.

— Ты совсем не изменилась, — великодушно сказал Серега и придвинул к Розе продавленный стул. — Садись... Поболтаем?

— О чем? — Она нехотя села, и стул под ней предательски заскрипел.

— О чем угодно...

О чем говорить с Козыревым, Роза не знала. Подумав, она изрекла:

— А я сейчас Варьку искала...

— Она же на работе!

— Ну да, я так и поняла.

— Как муж?

— Ничего, неплохо. Серезенька...

— Что?

— Почему ты не женишься?

Он сделал круглые глаза и захохотал:

— А зачем? И потом, кто за меня пойдет?.. Нет, Телегина, что за ерунда тебе в голову лезет?..

Серега по старой памяти назвал ее по девичьей фамилии. Теперь она была Тарасова. Роза Витальевна Тарасова. Серега, кстати, и Варвару звал Маркеловой, хотя она уже давно была Аникеевой...

— А вдруг ты бросил бы пить? — упрямо сказала Роза. — Серезька, у тебя же такой замечательный отец был! Ты хотя бы ради его памяти должен себя в руках держать.

На лицо Козырева легла тень. Он безумно любил своего отца и, когда тот умер, рыдал так, что все боялись за его психику. «Как бы не спятил парниш-

Татьяна ТРОНИНА

ка... — сказала тогда старуха Вершинина. — Это ж какое для него горе! «Папочка то, папочка сё...» Души не чаял в папаше! Оно и немудрено — золотой человек был Виктор Петрович, земля ему пухом...»

Может быть, Серега именно потому и опустился, что слишком переживал из-за смерти отца?..

Козырев помолчал, глядя куда-то в сторону, в пустой угол.

— Роза... Роза, ты не забыла, как раньше было хорошо? Ну, тогда — давно...

— В детстве все было хорошо. Небо синей и масляно масляней! — улыбнулась она. — Помню, мы с Аликом...

Козырев дернулся.

— Ты про Алика Милютин? — перебил он.

— Да, про него... Господи, Серега, я же за него всерьез замуж собиралась! — засмеялась Роза печально. — Почему жизнь такая несправедливая, а? Ведь самые лучшие уходят от нас! Я иногда чувствую себя такой виноватой...

Первая любовь Розы, ее одноклассник Алик Милютин, погиб под колесами электрички почти сразу же после выпускного вечера.

— Ты давно видел его отца, Сережа?

— Роза, не надо... — страдальчески сморщился Козырев.

— Нет, правда, ты должен ему помогать, — убежденно произнесла она. — У тебя — отец, у него — сын... Вы с ним должны найти общий язык.

Козырев пнул ближайшую бутылку, и она, громыхая, покатила по неровному полу.

— Лучше бы и не говорили... — мрачно буркнул он. — Все настроение испортила... А потом удивляется, чего я выпиваю!

— Ты же сам стал вспоминать! — обиделась Роза.

— Я абстрактно вспоминал, а ты это... конкретно!

— Ну тебя, Козырев! — обиделась Роза и ушла.

Она сама чувствовала, что зря произнесла имя бывшего одноклассника. Теперь Алик опять ей приснится. Наяву она о нем почти не помнила, и лишь редко (очень редко!), во сне, он приходил к ней. Брал за руку, говорил что-то ласковое, они шли куда-то... Ничего особенного, но после таких снов Роза почти всегда просыпалась в слезах. И почему так? Ведь любила она только своего мужа, Николая, и никакой Алик ей сейчас и задаром не был нужен...

Вернувшись к себе, Роза включила телевизор, бесцельно уставилась в экран. Она устала и раздражена.

А потом в дверь позвонили.

Роза открыла дверь и увидела на пороге опухшего, вдребезги пьяного субъекта, который едва держался на ногах. «Наверное, к Сережке... Вечно они квартиры путают!» Они — это собутыльники Серёги Козырева, разумеется.

— Вы к кому? — сурово спросила Роза.

— Я к Кириллу. К Кириллу Ахрамкову. К Кириллу и Нине... — с трудом ворочая языком, изрек субъект. Был он весь в грязи, точно валялся под забором. Роза даже удивилась — у Ахрамковых не было подобных друзей.

«Хотя какой он друг, если не знает, что они уже съехали отсюда!»

Роза с трудом втолковала субъекту, что Кирилл с Ниной больше здесь не живут, и захлопнула дверь.

Она посмотрела телевизор, съела яблоко, оставшееся от жильцов, и собралась было уже спать, как в дверь снова позвонили.

На пороге, на фоне черного ночного неба стоял все тот же субъект — видимо, он и не уходил никуда.

— Я очень извиняюсь... Я вам свои документы

Татьяна ТРОНИНА

покажу... — неловкими движениями он охлопал свои карманы. — Но я в совершенно безвыходном положении... У меня же были документы, елки-палки!.. Сейчас пытался поймать машину, но ни один гад... ни один гад не остановился!

— А я тут при чем? — вздохнула Роза.

— Понимаете — и деньги, и телефон, и документы... Я вам свои часы в залог оставлю! Мне бы только на электричку...

«Денег просит», — с брезгливым отвращением поняла Роза. Она достала кошелек из висевшего рядом, в прихожей, пальто, нашла сторублевую купюру.

— Вот. Только электрички уже не ходят.

— Как? — бессмысленно захолопал глазами пьяный. Роза совершенно его не боялась. Она его ненавидела.

— А вот так! Ждите теперь утра!

— Где?

— Где угодно! — Роза толкнула субъекта в грудь и снова захлопнула дверь.

Она разложила постель, остановилась у календаря, висевшего на стене. «Сегодня шестое, ровно месяц назад был день рождения... Как быстро летит время!» Шестого марта Розе исполнилось сорок. День рождения в этом году она не отмечала — вроде как подобную дату не принято отмечать в народе... Обычное суеверие, конечно, но Роза сама не хотела концентрироваться на том, какой рубеж она перешла.

Сорок лет.

Молодость давно закончилась.

Она взбила подушку — и неожиданно подумала, что ночи в начале апреля еще очень холодные. Под утро, возможно, будет ниже нуля...

Она накинула на плечи пальто и вышла во двор, в

темноту. Где-то вдалеке едва слышно стучали на стыках товарные поезда.

Голые ноги полоснул весенний ветер — ну просто лед, а не ветер!

Роза огляделась. На скамейке, скорчившись, точно креветка, спал давешний субъект.

— Эй, мужчина... — Роза легонько тронула его за плечо. — Идемте!

— Куда?.. — ошалело пробормотал тот и приподнялся на локте.

— За мной.

Она повела его к Козыреву. Переночует у Сереги, бедолага... Вроде на совсем пропащего он не похож, тем более знакомый Ахрамковых!

Субъект пыхтел за ее спиной, спотыкался, вздыхал, то и дело хватаясь за забор.

Но на стук в окно Козырев не отозвался. Роза стучала долго, пока не поняла — Сереги нет дома. Ушел после того, как они поговорили. Фигаро тут, Фигаро там...

— У вас есть телефон? — обернулась Роза. — Ах да, и телефон, и деньги, и документы — вы потеряли, так ведь?..

Она хотела позвонить Кириллу Ахрамкову на сотовый, спросить о незваном госте. В конце концов, если он приличный человек, можно его запереть в одной из свободных комнат. Как назло, и у старухи Вершининой, и у Аникеевых свет в окнах не горел. Так что от них позвонить тоже не получалось. Не будить же людей во втором-то часу ночи!

Роза пошла назад, и субъект покорно поплелся за ней.

— Вы кто? — бросила она через плечо.

— Я?! — удивился тот. — Я... я — человек.

— Вот как раз на человека вы меньше всего похожи! — сердито заметила Роза. — Вы алкоголик, да?

— Я? — опять страшно удивился тот. — Я, мож-